

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 15–26, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.15
www.ejournal16.com

Publication of Sources

UDC 929/908

“I Live in the Place Where the Troopers Wait, and Alexander Pushkin Is Walking...”: Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s

Preparing the material for publication, introduction, and commentary
Nikita V. Petrov

Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies
Russian State University for the Humanities, Russian Federation
Off. 168, 6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow, 125993
PhD (Philology)
E-mail: nik.vik.petrov@gmail.com

Abstract

The interview with Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov and with Tatiana Mikhaylovna Nikolaeva was dedicated to their private life during 1930–1950s, their pre-military childhood and the everyday life of postwar Moscow. Elements of old Moscow’s architectural images and some urban legends are mentioned in the interview. Memoirs contain an unofficial oral version of Soviet history.

Keywords: Vyach.Vs. Ivanov; T.M. Nikolaeva; childhood; old Moscow; urban folklore; oral history; everyday life; 1930s; 1940s; 1950s.

Интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Татьяной Михайловной Николаевой проводилось 17 июня 2014 г. в Москве в Институте славяноведения РАН. Продолжительность составила 45 минут. Интервьюер – Н.В. Петров (при участии О.В. Беловой), расшифровка, подготовка комментариев и вступительное слово Н.В. Петрова. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Интервью публикуются с сохранением авторского стиля повествования, текст дается в дословной расшифровке аудио; там, где это необходимо, в квадратных скобках вставляются поясняющие слова и выражения. Смысловые акценты выделяются курсивом. Интервью подготовлено к публикации в рамках серии проектов по изучению устной истории, фольклорных нарративов и практик современного мегаполиса (участники – О.В. Белова, А.Б. Мороз, Н.В. Петров). Мы задавали, во-первых, вопросы, связанные с воспоминаниями детства, которые неотделимы от эпохи 1930–1950-х гг. и от быта старой Москвы; во-вторых, вопросы о фольклорных сюжетах, имевших хождение в то же время¹.

---

¹ Из замечательных текстов о Москве 1930-х гг. («Мифология» Москвы 1930-х гг.) особенный интерес представляют выдержки из воспоминаний В.Н. Топорова 1988 г. [1].

Описания окружающего пространства в этом двучастном интервью разнятся. Различаются воспоминания многими деталями, но сходны в одном: память о прошлом воспроизводится через пространство, через детские прогулки, взгляд ребенка. Огромный ботанический сад – маленькому мальчику всё кажется большим. Сосисочная в Безбожном переулке и французская гувернантка, покупавшая и тут же съедавшая сырые сосиски – это не вяжется с образом культурной дамы из Франции, православная няня, ведущая мальчика в церковь в пасхальное время, иллюминация улиц перед выставками достижений народного хозяйства на площадях. Незавершенное строительство Дворца Советов осмысливается через роман Уэллса «Война миров», по улицам ходит отголосок старой Москвы – юродивый Витюша. Это старая Москва в воспоминаниях Вяч.Вс. Иванова.

Детство Татьяны Михайловны Николаевой проходило в районе Киевского вокзала, где она жила с родителями сразу после переезда из Ленинграда. Отсюда противопоставление двух районов, двух миров: европейского Петербурга, где друг другу можно звонить и приходить в гости очень поздно, и старой провинциальной Москвы. Один мир – это огромные ЦКовские дома, где есть *квартиры*, другой мир – буквально через дорогу – мир бараков, где есть *комнаты*. Позвать в гости соученицу, которая не знает, что такое квартира, не представляется возможным. Татьяна Михайловна помнит, как подчищали историю – когда меняли таблички на Бородинском мосту: героями войны 1812 г. становились старостиха Василиса, крестьянин Тихон. Пространство в воспоминаниях Татьяны Михайловны предстает как своего рода хроника-экскурсия: это и прогулки с отцом по военной Москве, где всё небо в дирижаблях, это и картинки богатой трофейной жизни послевоенной Москвы – благополучие, которое потом лопается, как воздушный шарик. Отдельная линия воспоминаний Татьяны Михайловны – это Москва Пушкина, где «стоит на улице извозчик», где церковь, в которой он венчался.

1.

Вячеслав Всеволодович Иванов (род. 21 августа 1929 г., Москва) – лингвист, семиотик, антрополог. Исследования Вяч.Вс. Иванова посвящены исторической и сравнительной лингвистике, психолингвистике, семиотике, математической лингвистике, литературоведению, истории культуры, антропологии. Вяч.Вс. Иванов – действительный член нескольких академий, директор Института истории мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ, профессор Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA).

Я понимаю, что вас интересует очень старая Москва.

Не очень старая. Вы говорили о пространственной памяти.

Ранние воспоминания мои связаны с избой, в которой я жил с моим отцом и всей его семьей. Это воспоминания, начиная с самых ранних. Я родился в 1929 году, значит, я помню что-нибудь с 1930–1931 года. Изба стояла на Старой Мещанской, и там было тогда много изб. Почему-то потом в избе помещалось издательство, которое много издавало мемуаров, потом закрылось. Но это было с левой стороны, а мы жили близко к Безбожному переулку¹ – переулку¹ – к Ботаническому саду... старому². Значит, я помню вот хорошо нашу избу. Наша изба была настоящая деревенская изба, которую купил мой отец (у него были деньги за постановку «Бронепоезда» во МХАТе). Он купил эту избу, там разместилась его огромная библиотека, и вот сравнительно большая наша семья... Мы там жили, наверное, до 1934 года, когда там началась реконструкция и, я думаю, всю эту часть снесли, в частности эти избы. Гуляли мы с братом с гувернанткой-французенкой в старый Ботанический сад, который мы именовали *jardin botanique*, – это были занятия французским языком. Физически что я помню? Я помню тот район, где были избы и вообще старые дома, старый Ботанический сад, который тогда казался огромным. Всякие экзотические растения, вроде [нрзб.], огромные эти листья – всё было в очень хорошем состоянии. Много людей туда ходило – хорошее место для прогулок было. Абсолютно не помню саму улицу, вот кроме

¹ Безбожный переулок (1924–1992 гг.), до 1924 г. и после 1992 г. – Протопоповский переулок в Центральном административном округе.

² Аптекарский огород на проспекте Мира – филиал Ботанического сада Московского университета.

Ботанического сада, только помню, что в Безбожном была сосисочная, где продавали сосиски. И наша гувернантка родом из Эльзаса покупала эти сосиски и ела их сырыми. Я помню, было потрясающее впечатление от ее малокультурности при том, что она нас обучала французскому языку. Вот это самое раннее воспоминание. В 1934 году, когда сносили это место в Москве... И вот что я помню этого же времени, я помню праздники: октябрьские, майские – может быть. Нас возили по городу с иллюминацией. Была огромная иллюминация – начало сталинского времени – первая пятилетка. Огромное количество таких вот декораций. Машинная реклама тогдашней техники на всех улицах, улицы хорошо освещенные. Иллюминация плюс выставка достижений народного хозяйства – на всех больших площадях – вот это я хорошо помню. Я не помню даже улиц, но помню, что это производило впечатление – гигантская реклама тогдашнего успеха хозяйства.

Вот, а потом это место сносят, и мы переезжаем на улицу, которая тогда уже была улицей Фурманова – старый Нащокинский переулоч¹. Там Дом писателей – какая-то часть его сохранилась. Я однажды видел документальный фильм, где такая искусствоведка Женя... Евгения Львова² – специалистка по болгарскому искусству. Она живет в какой-то части флигеля или где-то, что не снесено. Вообще весь дом снесен. Это дом, который был построен для писателей – кооперативный, то есть они платили за это. Это потом государство стало давать важным писателям [квартиры] – об этом я еще скажу. Это был такой довольно скучный [период] – строительство тридцатых годов – такое нудное строительство тридцатых годов. Не очень прочное. Нас вселили... Значит, сносили вот эту часть квартала в Безбожном переулке, и нужно было срочно переехать, поэтому нас вселили в уже законченный дом, и там была пристройка – над какими-то этажами пристроен еще один или два этажа. У отца огромная библиотека, он всё перевез, и просел пол под его книгами. И пришлось целый грузовик книг... Он подобрал книги по истории партии, потом очень жалел, он не думал, что это все запретят скоро – и он думал, что это вся текущая литература, которую можно про... Нашим соседом был писатель Маркиш³ – потом расстрелянный член антифашистского еврейского комитета – поэт хороший, его жена дружила с моей мамой. Где-то близко к нам жил Мандельштам, на втором этаже, по-моему, дали квартиру Андрею Белому (он умер в этот момент). Можно точно сказать, когда дом вступил в строй – это было начало тридцать четвертого года. В этом году вышел... «Мастерство Гоголя» Белого – уже посмертное издание. Он умер где-то зимой. Можно посмотреть по Мандельштаму – у него цикл стихов «Памяти Белого», вот это, я думаю, январь тридцать четвертого года. Я думаю, что это время, когда точно можно датировать мой переезд. Значит, мне примерно четыре с половиной года.

¹ Название присвоено по фамилии капитана Нащокина, одного из местных домовладельцев XVIII в. В 1933–1993 гг. переулоч назывался улица Фурманова в память о советском писателе Дмитрие Андреевиче Фурманове (1891–1926). В 1919 г. он был комиссаром 25-й дивизии, которой командовал В.И. Чапаев. В 1923 г. опубликовал роман «Чапаев», на основе которого был создан известный одноименный кинофильм.

² Евгения Петровна Львова – культуролог, специалист по искусству Болгарии, автор книги «Люди и образы старой Москвы» [2]. См. воспоминания Е.П. Львовой, где она рассказывает о доме Фурманова: « Однажды — это было в 1932 году — папа пришел вместе со мной в этот дом. Когда мы поднялись на первую площадку, то увидели спускавшегося к нам навстречу улыбающегося человека небольшого роста с орденом Красного Знамени на груди. Это был известный венгерский писатель Матэ Залка, который являлся председателем писательского кооператива. Он-то и помог нам вселиться, хотя почти все квартиры были уже распределены. Так мы стали жить в доме писателей в окружении совершенно необыкновенных людей. Смотрите сами — здесь жили: семья Михаила Булгакова, Мандельштам, Платонов, Ильф и Петров, Всеволод Иванов, Юрий Олеша, Файко, Михалков, Фурманов, Архангельский, Ардов, Нагибин... В этом доме мы прожили по 1964 год, и это были самые интересные годы» [3].

³ Перец Давидович Маркиш (1895–1952) – советский поэт и писатель, писавший на идише. Маркиш входил в руководство Союза писателей СССР, был избран руководителем Еврейской секции Союза писателей, в 1939 г. был награжден Орденом Ленина. В ночь с 27 на 28 января 1949 г. он был арестован как член президиума Еврейского антифашистского комитета. После пыток, истязаний и тайного суда 12 августа 1952 г. он был расстрелян.

Я помню этот Нащокинский. Мы гуляли и бегали с друзьями, детьми и так далее на Гоголевский бульвар – к памятнику Гоголю, тот старый памятник, который потом поставили¹. Наше место... интересно, что у Андрея Белого в «Котике Летаеве» описано то же место – именно как его воспоминания детства². По-видимому, это какое-то специфическое место для детей. Вот гуляли в районе арбатских переулков. То, что я читал у Белого, очень похоже на мои ранние воспоминания. Оттуда мы всей компанией двигались в Дом ученых³, в Доме ученых нас обучали чему-то... Наверное, какой-то вид спорта, какое-то было интересное слово, какой-то гимнастике нас обучали – это была детвора соседних домов. То есть мое детство – это вот Гоголевский бульвар. От Нащокинской улицы (Фурманова) до...

Я помню, конечно, какие-то дома, куда меня возили мои родители, но... это неинтересно, потому что я не помню, как они выглядели – зрительно, сами эти дома. То, что я вам рассказываю, это часть Москвы, которую я помню. Дальше мои хождения и бег, к которому я был склонен, кончаются, меня укладывают на два года неподвижно лежать, еще два года я должен ходить на костылях, то есть я хожу только вокруг дома – а дом новый. Значит, мы в Нащокинском в эпоху моей болезни не живем, мы живем в новом доме – это Лаврушинский [переулок]. Там дом остался, на нем случайным образом одна только мемориальная доска Юзовского⁴, на самом деле, там жили все вообще великие люди: и Федин, и Пастернак, и многие другие⁵. Дом был кооперативный – за него требовались большие деньги, но когда Пастернак внезапно понял, что ему нужна квартира, оказалось, что в этот момент отменили денежные взносы, и просто квартиры раздали писателям. Ну, значит, этот район Москвы я помню очень хорошо, но он, вы знаете, очень мало изменился. Третьяковка там была, сейчас ее собираются достраивать – все эти домики на Набережной были и пока остались, слава Богу. Ну построили только это гигантское Министерство это, атомное которое⁶, в Большом Толмачевском [переулке], рядом с нашим домом. Наш дом тоже образец довольно плохой архитектуры.

Я ходил в школу в Кадашевском переулке, рядом... Ну это старое Замоскворечье. С отцом вместе я там много гулял, и отец любил как раз старую Москву. Он меня водил – ему очень нравился Китай-город. Это я помню – прогулки с отцом, это какой-нибудь... сороковой [год], наверное, – мне одиннадцать лет. Китай-город был очень интересный, [в то время] там уже начинаются какие-то реконструкции, что-то сносят, но все-таки это старый вот этот, старомосковский район, производивший впечатление тем, что это подлинная старина. Вот, пожалуй, основные точки, которые я помню в то довоенное время, а потом, после эвакуации, я возвращаюсь в полупустую Москву сорок третьего года. В нашем районе много разрушений. Разрушили телевизионный узел на Ордынке, попала бомба в наш Лаврушинский дом тоже. Значит, что-то застроено – Москва полупустая.

Ну, пожалуй, интересная часть, которую я могу вспомнить, это несостоявшееся строительство Дворца Советов⁷.

¹ Памятник Н.В. Гоголю скульптора Н. Андреева и архитектора Ф. Шехтеля, установленный на Гоголевском (Пречистенском) бульваре к 100-летию юбилею писателя в 1909 г. В 1952 г. (годовщина смерти Гоголя) на его месте установили новый памятник скульптора Н. Томского, архитектора Л. Голубовского. Первый памятник ныне установлен во дворе Дома-музея Гоголя на Никитском бульваре.

² См. об этом в «Котике Летаеве»: «Каждый день мы идем: на Пречистенский бульвар погулять (на Смоленский бульвар мы не ходим: там дурно воспитаны дети)...» [4].

³ Центральный дом ученых Российской академии наук основан в 1922 г., расположен в доме № 16 на Пречистенке.

⁴ Юзеф Юзовский (1902–1964) – литературовед и театральный критик.

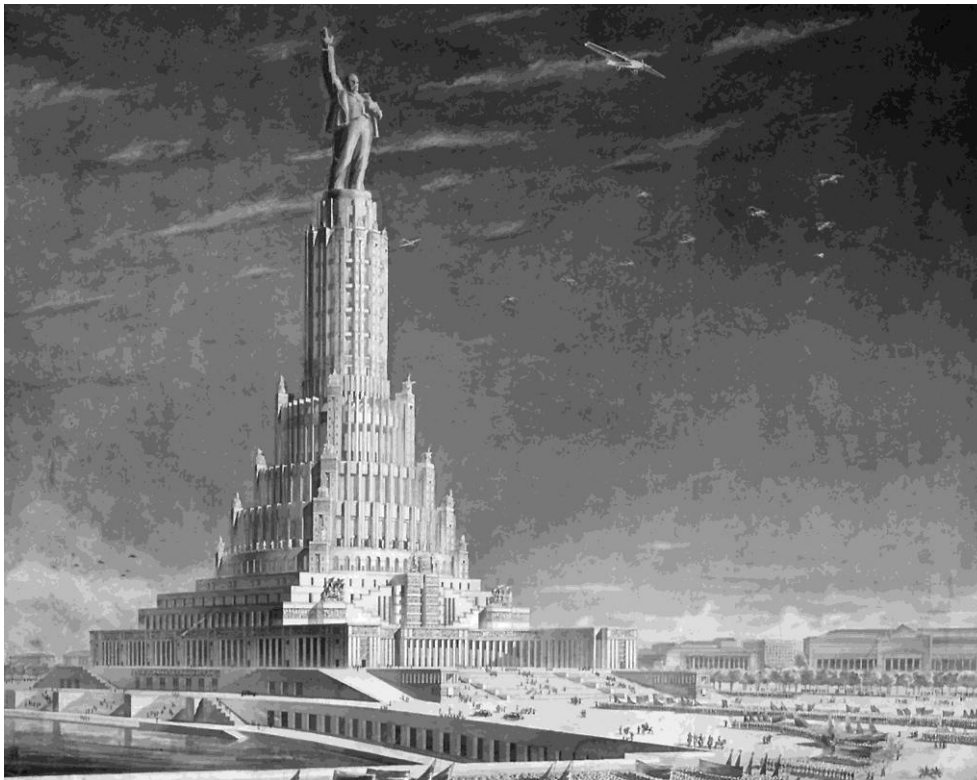
⁵ В Доме писателей в Лаврушинском переулке жили А. Барто, И. Ильф, Е. Петров, Ю. Олеша, А. Макаренко, М. Пришвин, К. Паустовский, В. Катаев и др.

⁶ Госкорпорация «Росатом».

⁷ Дворец Советов – неосуществленный грандиозный строительный проект советского правительства в Москве. Работа над ним велась в 1930–1950-е гг. (в том числе строительство до 1941 г.). Дворец Советов должен был стать кульминацией высотного строительства СССР (самым высоким зданием в мире), девятой, центральной и главной московской сталинской высоткой. В 1958–1960 гг. в фундаменте Дворца Советов был создан самый большой в мире открытый зимний плавательный

Расскажите подробнее.

Я это помню всегда окруженное заборами здание. Знаете, мне казалось... Я тогда увлекался фантастикой – Уэллс «Война миров», как марсиане прилетели в Англию и их огромные корабли стоят – вот впечатление у меня было такое, что это огромные какие-то сооружения, вот эти экскаваторы и что-то в этом роде, поставлены там. И никаких работ. Это обведено все заборами, строгая охрана, то есть проникнуть туда мы не могли, но я интересовался и бегал вокруг и смотрел, да. Ну большой очень район, который потом превратили в водный стадион, много [лет] спустя. Вот это было такое очень страшное ощущение.

Рис. 1. Проект Дворца советов [5]

И эту часть Москвы я хорошо знаю, там жила одна из моих соучениц по университету, поэтому я там часто бывал. У той церкви, рядом с которой, знаете, вот Нормандия-Неман – вот этот дом памяти¹, где жил Фальк, красный дом на набережной². Там что-то относилось к Академии наук, я помню, что приходил в этот дом. Академик Струве³ что-то привозил нам из Ташкента, то есть это начало реэвакуации, он приехал из эвакуированных. Но вот, значит, вот этот район, этот квартал, а дом Фалька, вот красный дом, выходящий, ну, вы понимаете, это теперешний район храма Христа Спасителя. Вот это как-то относилось к Академии наук, я это помню место.

бассейн «Москва». После распада СССР, в 1990-е гг., бассейн был закрыт, а на его месте построен храм Христа Спасителя, визуально повторяющий взорванный старый.

¹ Дом № 29 на Пречистенской набережной – бывший особняк мецената И. Цветкова (1899–1909), построенный по эскизам В. Васнецова, затем художественный музей и Отдел рисунков Третьяковской галереи (1909–1942). Во время войны в доме располагалась Французская военная миссия. На стене здания установлена мемориальная доска в честь летчиков французской добровольческой эскадрильи «Нормандия-Неман», в 1943–1945 гг. воевавших совместно с советскими вооруженными силами.

² Дом № 1 на углу Соймаковского проезда и Пречистенской набережной построен в 1905–1907 гг. (архитекторы Н. Жуков, Б. Шнауберт) – «Дом Перцовой», бывший доходный дом. С 1908 по 1910 гг. в подвале здания располагалось кабаре «Летучая мышь». С 1939 г. в доме находилась мастерская художника Р. Фалька (1886–1958).

³ В.В. Струве (1889–1965) – советский востоковед (египтолог и ассириолог).

Ну что, я помню старые церкви, я помню одну из первых открывшихся «Всех скорбящих радости» около нашего дома на Лаврушинском¹. Наша няня – Маруся – верующая. Она нас повела на первую Пасху – это сорок четвертый год, Пасха сорок четвертого года, если не сорок третьего. Может быть, и сорок третьего. Когда открыто, и когда было очень большое празднование. В Москве вообще очень мало жителей, и очень густая толпа, очень много людей. Там я бывал потом много раз – замечательная церковь. Там я знал и настоятеля, такой был... тогдашний большой человек в церкви, о нем воспоминания Ардова² – он ему помог, так что о нем очень много...

Это Старая Ордынка, где жила Ахматова, в доме у Ардовых. Ордынка – старое место, всё тогда сохранялось, как было. Дом, где потом жил Никита Толстой³, где почта находилась, ну это комплекс, который Щусев отчасти строил. Вот это то место, где я действительно много гулял и много бывал в том время. Пожалуй, что все...

Знаете ли вы про Брюсову башню?

Нет. По поводу фольклора я могу сказать вам вот что... Когда я уже на костылях, но ходил по окрестным переулкам, у нас было большое развлечение – появлялся... Витюша что ли его звали – районный юродивый. Это был страшный шум, гвалт – все мальчишки дворовые бежали впереди, а он шумел, обращаясь к ним, что-то совсем смешное говорил, совсем такую заумь болтал, но они страшно радовались. Был крик невероятный – это было целое событие. Вот это я чувствовал, действительно, старую Москву и старую Россию даже. Тогда это допускалось. Вообще ведь из Москвы вычищали постепенно всех нищих и так далее. Но этот юродивый постоянно появлялся в наших переулках. Пожалуй, из фольклора я помню в основном его.

2.

Татьяна Михайловна Николаева (род. 19 сентября 1933 г., Ленинград) – российский лингвист. Ведущий специалист в области славистики, акцентологии и теории интонации, языковых контактов. Многие ее работы посвящены общим проблемам лингвистики и семиотики, литературоведению и др. Т.М. Николаева – профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Если Вячеславу Всеволодовичу 85 лет будет сейчас, мне 80. Поэтому у меня немножко другие воспоминания. Моя семья, родители, переехали из Ленинграда, где я родилась, в тридцать шестом году, мне было почти три года. Моему отцу предложили кафедру в Первом медицинском институте, он согласился. А тогда был массовый исход интеллигенции из Ленинграда после убийства Кирова⁴. И он... семья наша охотно переехала в Москву. Первые впечатления – это я рассказываю не случайно, когда мы жили на площади Киевского вокзала, дом этот стоит до сих пор – он конструктивистский, сделан в форме корабля, вы, наверное, видели сто раз, наверху такое... Мы жили на восьмом этаже – солярий, куда раньше можно было ходить, читать, загорать, играть даже в волейбол, что мне кажется ужасно. И когда мама моя вошла в квартиру, которую нам предложили, ее первые

¹ Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Спаса Преображения), расположенный по адресу ул. Большая Ордынка, 20, был открыт для богослужений в 1948 г.

² Вероятно, имеется в виду протоиерей Константин Егоров (1899–1981), с 1954 по 1981 гг. служивший в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». См. об этом [6]. М.В. Ардов (сын писателя В. Ардова и актрисы Н. Ольшевской) в 1967–1980 гг. служил иподиаконом в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

³ Н.И. Толстой (1923–1996) – филолог-славист, фольклорист, академик РАН, инициатор создания словаря «Славянские древности» [7].

⁴ Убийство С.М. Кирова произошло в Ленинграде 1 декабря 1934 г., оно инициировало волну политических арестов. В день, когда Киров был убит, правительство СССР отреагировало на событие официальным сообщением об убийстве Кирова. В нем говорилось о необходимости «окончательного искоренения всех врагов рабочего класса». В тот же день было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Это постановление стало основным документом, направлявшим действия государственных карательных органов.

слова были... петербургские: «А где ж здесь квартира?» Потому что там были огромные квартиры, но и здесь была квартира почти из пяти комнат.

Кругом нас была такая своеобразная ситуация. Где сейчас гостиница «Украина» – это были бараки. Сплошные бараки, ну, как сказать, нищенские. Дальше было так: от Киевского вокзала, где было всё – ходили пароходики, поезда гудели, трамваи пересекали площадь, троллейбусы, автобусы, поезда дальнего следования, электрички – все это было. И когда мой муж (когда я вышла замуж) ко мне переехал, а он был житель Чистых прудов, мы оба из центра мегаполиса, он был потрясен, как мы живем в этом шумовом аду Киевского вокзала. Ну дальше было так: кругом были маленькие домишки вплоть до Дорогомиловской заставы. И Дорогомилово было таким блатным хулиганским районом, поэтому я с раннего детства наслушалась и песен блатных, и выражений, и прочего. Но дальше за Дорогомиловским... там я училась в школе... Как двуликий Янус: то, что было лицом к вокзалу (если вы представляете), – это жалкие нищие домишки, сейчас там ничего нет. А дальше начинались ЦКовские дома¹, великолепные по тем временам – тридцатые годы, ЦКовские, генеральские и актерские. Поэтому вот [были те], кто жил по одну сторону, и [те, кто по] другую. Когда я пошла в школу... Я не знаю, с чего начать. Ну детство раннее я не очень помню, пошла в школу, то кругом меня были девочки из бараков, и моя мама, которая очень хотела моего общения, говорит: «Ну, что ж ты, Таня, не приглашаешь подруг из класса в дом?» Я не могла. Потому что они меня спрашивали: «Таня, у вас большая *комната*?» А той мысли, что у нас квартира почти пятикомнатная... Я не могла их позвать, понимаете? Но мама как-то это не очень понимала.

И вот в этой дорогомиловской грязи был такой интересный момент. Значит, Бородинский мост, как вы понимаете, был рядом. И мы с моим отцом выходили смотреть такой интересный процесс. Как подчищали имена графов и князей войны восемьсот двенадцатого года, их вырезали, а вместо них вставляли... «Тихон», «старостиха Василиса», там «крестьянин Тихон» – все это вписывалось уже вот потом.

То есть так подчищалась история?

Подчищалась... да, да. То есть всех аристократов, ну кроме там Кутузова, конечно, а вот такое всё, всё ликвидировали. И значит, [стал героем] простой народ.

Ну, что сказать. Когда началась война, у моего отца был инфаркт, и поэтому мы не поехали в эвакуацию, вот в отличие от Вячеслава Всеволодовича. Дальше происходило следующее. Наш дом заминировали... этот, восьмиэтажный. Потом заминировали мост Бородинский. И нас приютила подруга нашей мамы – в одной комнате на Новинском бульваре. После инфаркта моему отцу нужно было гулять, и мне тогда исполнилось восемь лет уже, и он со мной гулял по Москве. Я хорошо помню Москву там начала сорок первого – конца сорок второго года. Небо все было в этих дирижаблях-цепелинах.

Это сорок первый – сорок второй?

Да, потом уж как-то они исчезли. И стояли эти надолбы² всюду, где можно, а сейчас они сохраняются в районе Химок. Мы с ним очень много гуляли, он мне очень много рассказывал обо всем, в том числе о политическом, о многом. Так что можно сказать, что я выросла в семье, которую можно назвать семьей профессора Преображенского из «Собачьего сердца» соответственным образом. Так что мое мировоззрение не менялось на протяжении семидесяти пяти лет, по крайней мере.

Но дальше... неправильно считать, что перед войной уж так было всё плохо, пожалуй, нет. Например, напротив нашего дома был гастроном, ну тоже в жалком домишке, откуда приходила женщина с коробом. Она у нас ходила по квартирам, записывала, кто что хочет, у моей мамы... Ну там яйца, курицу – такие простые вещи, бесхитростные. И на следующий день она приносила всем нужный заказ. Кроме того, нужно сказать, что все стоило довольно дешево и такие вещи, как икра, осетрина, севрюга – это было доступно любому человеку. Вот такая была своеобразная жизнь. Ну, что сказать.

¹ Элитный жилищный фонд, дома повышенной комфортности, предназначавшиеся для крупных государственных чиновников.

² Противотанковые надолбы – врытые в землю рядами в определенном порядке пирамидальные бетонные или железобетонные конструкции, применяемые в качестве инженерного заграждения фортификационного типа.

Дальше я попала... Да... насчет преданий я знаю только про Болотную площадь. На ней четвертовали Пугачева. Почему там, не знаю. Его четвертовали, и он проклял это место, и сказал, что на этом месте не будет ни одного здания. И так и есть. Всё, что ни пытались строить на этом месте, не получалось. И как видите, там такой садик с фонтаном. И так и есть.

Второе предание, это если вы входите на Красную площадь со стороны Иверской, то есть такое белое здание, где барельеф Радищева в цепях¹.

Ну просто в этом месте там был Радищев. Говорят, до сих пор в этом месте привидение появляется. И поэтому, как ни бились власти со страхом привидений, пришли к такому выводу: туда входят экскурсоводы по Москве, быстро сдают свои путевки, получают новые и выходят. То есть физически они не сидят в этом здании. Ну в данный момент, я не знаю, что... но раньше это было твердое предание.

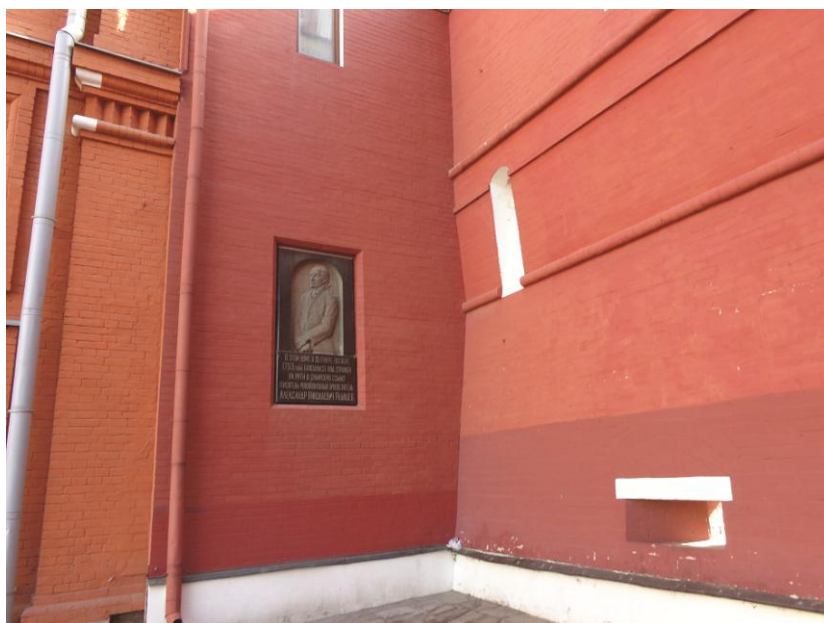

Рис. 2–3. Мемориальная доска с барельефом А.Н. Радищева (фото Н.В. Петрова)

Что могу сказать еще. Конечно, во времена моего детства Петербург казался более европейским, более роскошным, более таким... И когда мои родители ездили туда, ну на конференции – они были учеными, – то это казалось, что они едут, как бы теперь это сказать, в Париж. Поэтому были номера в «Астории», номера где-то еще в прекрасных гостиницах, и одевались соответственно, и даже говорили: «А вот в Ленинграде принято звонить очень поздно по телефону, принято поздно приходить в гости, а Москва – это как бы это вот... деревня».

Москва – провинция?

Москва тогда воспринималась как провинция.

Мой отец из Ленинграда, он говорил про поздние визиты и звонки теми же словами.

Вот видите, вот видите. И считалось, что-то ну очень европейское.

¹ Гранитная мемориальная доска (1962 г., скульптор Г.Г. Сорокин) с изображением А.Н. Радищева, стоящего у зарешеченного окна, и надписью: «В этом доме в сентябре–октябре 1790 года находился под стражей на пути в сибирскую ссылку писатель – революционный просветитель Александр Николаевич Радищев». Установлена на доме № 1 в Историческом проезде на Красной площади. Во времена Радищева в здании бывшего Монетного двора размещалось Московское губернское правление, куда был доставлен под конвоем из Петербурга автор «Путешествия из Петербурга в Москву».

Кроме того, были такие... ну мои родители снимали дачу, имели дачу в Подмосковье. Но мой отец и его мать в свое время снимали дачи – это была Финляндия. И поэтому было какое-то ощущение тоже пониженного статуса после финских дач. Но потом я попала в очень интересный период, уже не девочкой, а так сказать, взрослой почти. В отличие от Вячеслава Всеволодовича. Вячеслав Всеволодович – ровесник моего мужа, тоже двадцать девятого года рождения, он вырос на Чистых прудах. И когда реконструкция временная, видно разницу возраста.

Он был мальчиком трифоновского периода, когда послевоенные, плохо одетые там и прочее... А я была в начале пятидесятых и попала на очень короткий, но яркий период – стилиаги. Тот фильм, который вышел, ничего общего не имеет с тем, что было на самом деле. Стилиаги появлялись, ну как вам сказать, даже не могу сказать... Как из пены Афродита, они появлялись... Поскольку у нас школа выходила на Можайское шоссе, которое приобрело название Можайка-брод, то там на Можайка-брод были, ну, актеры. Я училась в женской школе, но нужно было призвать мальчиков обязательно на вечера. И приходили там Артур Макаров – сын Тамары Макаровой, Пырьев Эдик – сын Пырьева, режиссера. Все они были стилиаги, но учителя не позволяли нам с ними танцевать, а кто протанцует, ну как сказать, потом не плачь, что у тебя тройка или двойка. Поэтому необыкновенная была ситуация – мальчики танцевали парами, обняв друг друга. Но эти мелодии... вот высмеивание стилиаг в кино, травля, их заставляли стричься, их заставляли... И вот одна из таких примет – это поднятый воротник. Это была [примета] стилиаги. Девочек-стилиаг было мало, а мальчиков-стилиаг – очень много.

Это был знак мужского пола – поднятый воротник?

Нет. И женского. Пальто, пиджака...

И вот прошло уже очень много лет, я была уже доктором наук и ехала в Петербург дневным поездом... в Ленинград – быть оппонентом. Около меня сидел человек, знакомый знакомых. И вот он как-то вытянул ноги – вьетнамист, тоже ехал с такой же задачей – и сказал: «Хотите пива?» И я сказала: «Вы в пятьдесят шестом году кончили?» Он говорит: «Да». – «Стилиагой были?» – «Конечно». То есть стилиагу всегда можно узнать. Но потом их так раздавили, что о них писал Андрей Битов, что это были политические герои, гораздо бóльшие, чем можно себе это представить.

Ну вот... Теперь... есть такое представление... Я вот читала много книг английских писательниц про послевоенное время в Англии, в Лондоне там. И была поражена, какая у них была бедная жизнь, как там карточки с трудом, продукты. Аналогичное есть представление о жизни, скажем, Москвы. Оно неверное. Потому что... ну я не знаю, как это сказать, но это уже и по телевизору показали, мягко говоря, много привезли из Европы.

Трофеи?

Назовем это так. Из немецких домов, из... – отовсюду. Все это сдавалось в комиссионные, продавалось, покупалось, поэтому какой-то короткий период Москва жила роскошно, ничуть не хуже, чем сейчас. Был коктейль-холл на улице Горького¹ – в начале, дом четыре, куда было принято ходить молодым людям, танцы – ну я не могу даже объяснить – все всё покупали. Москва кишела богатством. И постепенно, я помню, вот такая у нас была звезда – Валентина Серова, актриса² – она сидела в «Метрополе» и сыпала ассигнациями, то есть это был период, ну как бы сказать, победившего Рима. Вот так. Но это был период не столь долгий. Потом стали сажать, например, Русланову с мужем за награбленное³. И даже Жукова великого сослали в Одессу, что отражено в фильме «Ликвидация». В общем, его сослали за то, что были вагоны награбленного добра. И потом

¹ Кафе «Коктейль-холл» располагалось в доме № 6 по улице Горького (Тверской) с начала 1940-х до конца 1960-х гг.

² В.В. Серова (1917–1975) – советская киноактриса («Девушка с характером», «Сердца четырех», «Жди меня», «Бессмертный гарнизон»), заслуженная артистка РСФСР. Жена легчика А. Серова, поэта К. Симонова.

³ Певица Л.А. Русланова (1900–1973) и ее муж генерал-лейтенант В.В. Крюков (1897–1959) были арестованы в 1948 г. по «трофейному делу»: официальной причиной ареста указывалось присвоение трофейного имущества в больших масштабах. Русланову также обвинили по статье 58 УК РСФСР («антисоветская пропаганда»).

Москва так стала утихать в этом смысле. Но в этот период пели всюду – в ресторанах, джазы, например, Эдди Рознер из Польши¹, Утёсов, вот это всё это было царство... Приехал Вертинский. Я была на концерте Вертинского, правда, не в Москве, на Рижском взморье², в ресторане в Майори³, вот слышала его. Ну, уже немолодого, старающегося сделать карьеру, но не очень, ну не довелось. И была какая-то атмосфера, когда гораздо больше было принято у интеллигенции ходить в театр, в ресторан, какие-то встречи, гости, то есть Москва жила той жизнью, которая, пожалуй, описана до Первой мировой войны. Представляете? Гиляровский⁴ там и прочее. Но потом это все зажималось, зажималось, зажималось, и Москва пришла в такое состояние, я бы сказала, усредненное. Стиляг задавили, привезенное из Германии было продано и пропито, перекуплено много раз, поэтому всё это постепенно кончалось.

Ну что сказать. Эти бараки. Вот, например, наш ученый академик Андрей Анатольевич Зализняк⁵ жил в жутких бараках. Это Красной Пресни... бараки Красной Пресни, где сейчас польский костел, вот это вот... переулки. Он жил в таких условиях, я бы сказала, чудовищных трудностей. Вот он жил в бараках. И постепенно это всё стало исчезать.

Ну что сказать. Закрутка происходила, Москва менялась. Но я живу, не знаю, это легенда или нет, на Малой Никитской, [там,] где она открывается домом Лаврентия Павловича Берии. И, когда мне было лет пятнадцать, уже была взрослая, мама говорила: «Таня, в тот район и не ходи, в тот район – и не приближайся к этому району». Но я была брюнеткой, а Лаврентий Павлович любил золотистых блондинок, поэтому я была в некотором духе в безопасности. Но у нас на курсе была одна из любовниц Берии, со мной она училась. Она рассказала, как они познакомились. Он ее увидел в Большом театре. Ну она просто была слушательница. Ее подозвали, вызвали. У нее были волосы таким – золотым пучком... И выбор был такой: или ее и родителей – вон из Москвы, ну или соглашайся. Ну, в общем, у него было... выяснилось, что двести тысяч, как легенда гласит, возлюбленных, которых жена его выдавала позже за сотрудниц-осведомительниц. Но, как говорят, так мог бы ведь убить. Но нет, вроде бы нет.

Теперь... Я живу в том месте, где, как я понимаю, находился дом Адриана Прохорова – героя «Гробовщика» Пушкина. Я живу там, где церковь, где венчался Пушкин⁶, – наша церковь. Наша улица очень интересная. Она открывается домом Шехтеля, который внесен во все альбомы Европы, как один из самых красивых домов модерна – из первых. Это был дом старовера – купца Рябушинского, я видела его молельную наверху – старообрядческую. Дом был очень красив, но когда потом его дали Горькому, то Горький, боясь всего, шкафами перегородил... Поэтому красивые мраморные наяды, русалки, феи – и всё это было как-то там (наверное и сейчас) испорчено. Мне удалось даже видеть его легендарную невестку – жену Максима Пешкова, которая сажала цветы на нашей улице. Могу передать такую остроту. Когда я шла из магазина, я увидела Никиту Михалкова, напротив, в садике, окруженным толпой прилипал, который говорил своим «московским» говорком: «Вот это дом миллионера Рябушинского, теперь – квартира Горького. Понимаете, что для миллионера был дом, для пролетарского писателя всего лишь квартира». Ну вот. И это так и было.

Значит, если двигаться дальше, то там церковь, где венчался Пушкин. Но и как я недавно слышала на днях, где он не только венчался, но и женился (молодой человек сказал своей девушке), но я еще не разгадала смысл этих двух глаголов... Ну вот.

Кроме того, скажу не совсем пристойное. Я ехала на такси по нашей улице, и шофер сказал: «Ну а жена его, как вела себя. Ну она открыто, при всех, спала с Дантесом». Я говорю: «А как Вы это себе реально представляете? Где и как это?..» Он говорит: «Ну, это все знают». Так что у нас это церковь Пушкина, я знаю, где он стоял – левый придел. И у него было, как знаете, три вещи: он споткнулся, у него потухла свеча, с головы упал венец.

¹ Э. Рознер (1910–1976) – джазовый музыкант.

² Латвийский приморский курорт.

³ Курортный поселок на Рижском взморье.

⁴ В.А. Гиляровский (1855–1935) – публицист, писатель, создавший детальные описания московского быта конца XIX в.

⁵ А.А. Зализняк (р. 1935) – лингвист, академик РАН.

⁶ Храм Вознесения Господня в Сторожах, у Никитских ворот.

Дальше двигаясь [по улице]... был дом Суворова – Нигерийское посольство¹, еще дальше – дом Гончаровых, но он был потом перестроен. Там была гимназия, где преподавала сестра Булгакова – мать Земской Елены Андреевны², – дом Гончаровых. Дальше идет дом Берии. Внучка Горького – Марфа Максимовна Пешкова – она жива – была замужем за Серго Берия – и они друг к другу ходили по нашей маленькой улице.

Теперь – последнее, что я скажу, – это тут ломали нашу улицу, там, где Вспольный [переулок], и вот была церковь (та, в которой Пушкин [венчался], Большого вознесения), а была другая церковь. И когда вскрыли асфальт – оказалось очень много костей – погост. На самом деле это было кладбищенское захоронение при той церкви, которая была когда-то, то есть им двести лет. Но это было в период перестройки, и диссидентски настроенное окружение считало, что это жертвы Берии, но, честно сказать, даже археологи убеждали, что этого не может быть, что костям больше двухсот лет. Ну и зачем Берии около дома, в доме дикое количество покойников? Но вот население было в этом уверено, что это жертвы Берии – такая легенда.

Вторая наша достопримечательность – это вяз на [улице] Поварской. Но он сейчас погиб. Значит, ему сейчас...

Он недавно же еще был?

Был, был. Его посадил Петр Первый, вот такая легенда.

Ну, что я еще могу сказать. Мне довелось видеть необычайную вещь, которая тоже погибла. Как известно, в Коломенском дворец Алексея Михайловича³, церковь. И я там была с приятельницей, но экскурсовод мне вдруг тихо сказала: «Не хотите посмотреть древнее капище славян?» Ну а что? Она отвела меня немного дальше дворца и церкви, и я увидела овал, который окружали дубы, но дубы имели вид... ну как из фильма ужасов, потому что, как... один листочек был на дубе или два... И меня уверяли, что им тысяча триста лет. А в центре были руины камня, на котором будто бы древние славяне приносили человеческие жертвы. Но я не знаю, это, может быть, и сейчас. Моя дочь ходила туда и говорит, что дубы уже погибли, ну как-то так. Антураж довольно страшный. Но что вам сказать, мы любим наш район, больше ничего не могу сказать. И вот, когда мне исполнилось восемьдесят лет, я даже хотела сказать, что я живу в том месте, где извозчик стоит, а Александр Сергеевич прогуливается, но боялась это сказать, чтобы не заплакать.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»). Тексты интервью опубликованы с любезного разрешения Т.М. Николаевой. Особенная благодарность Наталье Сергеевне Петровой (аспирант ЦТСФ РГГУ) и Ольге Владиславовне Беловой (д.филол.н., Институт славяноведения РАН), без помощи которых комментарии к текстам интервью был бы неполным.

Примечания

1. Топоров В.Н. Из Московских текстов. 2. «Мифология» Москвы 1930-х гг. // Живая старина. 1997. № 3 (15). С. 7–9.
2. Львова Е.П. Люди и образы старой Москвы. М.: ГЕОС, 2004. 128 с.
3. Жизнь замечательной личности / Е. Львова; беседу вели С. Юрьева и И. Колодяжный // Литературная Россия. 2005. 25 марта. С. 15.
4. Белый А. Котик Летаев. Петербург: Эпоха, 1922. С. 101.

¹ Городская усадьба Суворовых – Н.И. Баранова – Н.П. Гагман, где жил А.В. Суворов, расположена по адресу: ул. Малая Никитская, 13.

² Е.А. Земская (1926–2012) – лингвист, главный научный сотрудник отдела современного русского языка Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова.

³ Дворец царя Алексея Михайловича – деревянный царский дворец, построенный в подмосковном селе Коломенском во 2-й половине XVII в. Снесен позднее 1767 г., в 2010 г. была осуществлена его историко-художественная реконструкция, расположен по адресу: 2-я улица Дьяково Городище, 27, входит в состав экспозиций Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника.

5. Проект Дворца Советов. URL: <http://art-architecture.ru/dvorec-sovetov/> (дата обращения 24.03.2015).

6. Ардов М.В. Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 256 с.

7. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

References

1. Toporov V.N. Iz Moskovskikh tekstov. 2. "Mifologiya" Moskvy 1930-h gg. // Zhivaya starina. 1997. № 3 (15). S. 7–9.

2. L'vova E.P. Lyudi i obrazy staroy Moskvy. M.: GEOS, 2004. 128 s.

3. Zhizn' zamechatel'noy lichnosti / E. L'vova; besedu veli S. Yur'eva i I. Kolodyazhnyy // Literaturnaya Rossiya. 2005. 25 marta. S. 15.

4. Belyy A. Kotik Letaev. Peterburg: Epokha, 1922. С. 101.

5. Proekt Dvortsa Sovetov. URL: <http://art-architecture.ru/dvorec-sovetov/> (data obrashcheniya 24.03.2015).

6. Ardiv M.V. Melochi arkhii., proto... i prosto iereyskoy zhizni. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1995. 256 s.

7. Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod obshchey red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012.

УДК 929/908

**«Я живу в том месте, где извозчик стоит, а Александр Сергеевич
прогуливается...»: воспоминания Вяч.Вс. Иванова и Т.М. Николаевой
о Москве 1930–1950-х гг.**

Подготовка к публикации, вступительное слово и комментарии:
Никита Викторович Петров

Центр типологии и семиотики фольклора
Российского государственного гуманитарного
университета, Российская Федерация
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6, каб. 168
Кандидат филологических наук
E-mail: nik.vik.petrov@gmail.com

Аннотация. Интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Татьяной Михайловной Николаевой посвящены частной жизни 1930–1950-х гг., довоенному детству, московской послевоенной повседневности. В интервью упоминаются элементы архитектурного облика столицы, городские предания, излагается устная версия неофициальной истории.

Ключевые слова: Вяч.Вс. Иванов; Т.М. Николаева; детство; старая Москва; городской фольклор; устная история; частная жизнь; 1930-е гг.; 1940-е гг.; 1950-е гг.